

«ОБРУЧ» ФЕДОРА СОЛОГУБА: ОПЫТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА

Н. В. Семенова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

В статье предпринята попытка анализа рассказа русского писателя Федора Сологуба «Обруч». Использование структуралистской методологии позволяет увидеть доминирование бинарной оппозиции *жизнь — страдание / смерть — утешение* на всех уровнях текста.

Ключевые слова: структурализм, символизм, декаданс, бинарные/тернарные оппозиции, «подвижные»/«неподвижные» персонажи, событие, изоморфность уровней текста.

Изменение школьных программ, введение новых писательских имен — та реальность, с которой современная школа имеет дело [1; 2; 4]. И особая роль в этом процессе отводится олимпиадам, где для анализа нередко предлагаются задания, содержащие неоднозначные тексты. Так, на олимпиаде 2016 г. в Твери участникам было предложено проинтерпретировать новеллу Федора Сологуба «Обруч», об обстоятельствах публикации которой в 1904 г. в сборнике «Жало смерти» им едва ли было известно. Можно предположить, что и принадлежность Сологуба к школе русского символизма, и его репутация «русского маркиза де Сада» не входили в фоновые знания учащихся.

Что в таком случае могли увидеть в рассказе школьники? Гуманистическую традицию изображения маленького человека, с его убогими мечтами и маленькими радостями? Но ведь Сологуб писал не об этом, и хотя сострадание к героям (особенно детям) отметил критик первой волны русской эмиграции Г. Адамович [см.: 7, с. 169-170], большинство критических отзывов звучало иначе. Критик в рецензии на сборник «Жало смерти» писал: «Рассказы г. Сологуба — плод извращенной фантазии. Мы давно уже не встречали книги, которая производила бы такое отталкивающее, неприятное впечатление своею фальшью, надуманностью и нервическим, изломанным тоном» [цит. по: 7, с. 174]. М. Павлова, автор первой монографии о творчестве Сологуба, пишет о нем как об одном из «видных полноправных рафинированных декадентов эпохи. Русский декаданс нашел в нем своего подлинного жреца и адепта» [7, с. 109].

В двух известных нам попытках определить содержание рассказа «Обруч» исследователи приходят к разным выводам. М. А. Дубова, отмечая существование в творчестве Сологуба трех главных мифологем: *жизнь — страдание, жизнь — радость, смерть — утешение*, полагает, что в рассказах Сологуба 1890-х — начала 1900-х гг. «утверждается возможность примирения оппозиции *жизнь — страдание / смерть — утешение* и воссоединение двоemiрия писателя в образе цельного мира, способного к возрождению благодаря мотиву детства». Рассказ «Обруч» рассматривается ею как программный в развитии темы детства: «Сологуб в обобщенно-символической форме выразил свое понимание этого периода в жизни человека» («золотой» цвет обруча — «золотая

пора детства») [3]. Интертекстуальная отсылка (Ф. Ницше: «Детство — самокачающееся колесо...») подтверждает это истолкование [см. об этом также: 9].

М. Павлова, напротив, видит в рассказе «Обруч» инвариант мотива «некрологического утопизма»: «жизнь на земле страшна, и смерть лучше жизни». В рассказах Сологуба «жизнь ... по-сологубовски однообразна и подчинена единственному императиву: умри скорее». Главные герои этих рассказов — дети, и мотив детства неотделим от мотива смерти. «Исключением из этого ряда можно было бы назвать рассказ „Обруч“, однако исключение это весьма условно (речь идет о смерти старика, впавшего в детство: старый что малый) [7, с. 188, 171].

Используя язык структурализма, мы должны будем говорить о системе *тернарных оппозиций* в первом случае и *бинарных оппозиций* — во втором. Возникает вопрос: насколько вообще структуралистская методология позволяет проанализировать этот сологубовский текст?

В книге «Структура художественного текста» Ю. М. Лотман предлагает схему, в которой представлен механизм внутритекстового семантического анализа. Внутритекстовый анализ включает следующие операции:

1. Разбиение текста на уровни и группы по уровням синтагматических сегментов (слово, предложение, абзац, глава — для прозаического текста).
2. Разбиение текста на уровни и группы по уровням семантических сегментов (типа „образы героев“). Эта операция особенно важна при анализе прозы.
3. Выделение всех пар повторов (эквивалентностей).
4. Выделение всех пар смежностей.
5. Выделение повторов с наибольшей мощностью эквивалентности.
6. Взаимное наложение эквивалентных семантических пар с тем, чтобы выделить работающие в данном тексте дифференциальные семантические признаки и основные семантические оппозиции по всем основным уровням. Рассмотрение семантизации грамматических конструкций» [5].

Добавив сюда упоминаемые в работах Лотмана бинарные / тернарные оппозиции, событие как пересечение границ: топографических, этических, психологических, попытаемся проанализировать этот текст.

Содержание рассказа «Обруч» в кратком пересказе следующее. Старик рабочий увидел на окраине города катящего обруч мальчика, которого любовно опекала мать. Старик позавидовал мальчику, и произошло вытеснение мечты о счастливом детстве из области бессознательных мечтаний в область реальных действий: старик, идентифицировав себя с мальчиком, стал катать на лесной поляне обруч от бочки, переживая таким образом счастливые мгновения детства, которого он был лишен. Простудившись росистым утром, он умирает удовлетворенным, утешаясь созданными им воспоминаниями о счастливом детстве.

На словесном уровне в рассказе преобладает антонимия и контекстная антонимия. Два семантических поля *детство* / *старость* представлены следующими лексическими рядами: детство — мальчик, дети, дите, дитя, ребята,

мальчишка, маленький, мал, ребенок; старость — старик, старый (сущ.), старикашка, состариться.

Антонимическая пара *дети / взрослые* находит соответствие в характерном для каждого возраста видении мира: «чисто» / «грязный». «Да, все *чисто*: *дети* сами не видят *грязной* стороны в предметах, пока *взрослые* не покажут» [здесь и далее текст приводится по изд.: 11]. Лексическая оппозиция *работа, труд / мечта* маркирует мотив двоемирия в новелле: мечта о счастливом детстве, никогда не бывшем, и труд на фабрике — единственная реальность, которую знал старый рабочий. Контекстная антонимия присутствует в финальной фразе III главы: «День за днем тот же *труд*, и *мечта* все та же». Оппозиция *новый / старый* (обруч) метонимически представляет два состояния мира. Мальчик только открывает мир: «Все мальчику ново, чисто и радостно». Мир старика отмечен знаками распада плоти, умирания: «тусклые глаза», «неясные, медленные мысли», «неподвижные мысли», «беззубый рот». Антонимы *шум / тишина* маркируют свое / чужое пространство для старика: «Весь день в *шуме* от фабричных колес мальчик с обручем вспоминался ему»; «далекие углы (фабрики) закутаны *шумною* мглюю»; «живее мечты, тусклее фабричные гудки да *шумы*, туманнее *шумная* мгла»; «не было пыли и *шума*» (в лесу); «лужайка лежала перед ним, светлая, *тихая*»; «*тихие* мхи».

Преобладанию антонимов на словесном уровне изоморфны «антиномические пары» на уровне образов героев. О матери мальчика старик думает: «Нарядная да *светлая*». Она, как и мальчик, принадлежит другому миру, закрытому для старика. Старик не знал светлых сторон жизни — мальчик не знает ее грязных сторон. Антиномичны и детали предметного уровня: новый, желтый обруч (у мальчика) — грязный, ржавый обруч (у старика).

Прием контекстной синонимии позволяет увидеть, как постепенно овладевает сознанием старика мечта. Игра с обручем для него «баловство», «забава»: «Игра, баловство, поди? Ребята, известно, баловники... Вот глупым забавляется». Однако в сочетании «забавная мечта» забава уже коннотирована положительно: прилагательное «забавный» имеет здесь не значение «занимательный, интересный», а значение «доставляющий развлечение, веселье; смешной» [10, с. 492].

Показателем снятия оппозиции старик / мальчик (старик впадает в детство) выступает проникновение лексики с отчетливо выраженной позитивной коннотацией из I главы («веселый», «смеялся», «радовался», «весело», «радостно») в главы V–VI, где героем повествования является старик: «птицы гомозились в чахлах городских деревьях *веселее* вчерашнего», «старик *засмеялся*», «*радостно улыбаясь*». Ощущение запретности этой радости передает глагол «осмеять»: «Иногда подумает, что могут увидеть, *осмеять*, — и от этой мысли становилось вдруг нестерпимо стыдно».

Система эквивалентностей — повторяющихся фрагментов текста — отражает дублирование первоначальной ситуации. В I главе рисуется «младенческая гармония бытия»: «Еще неловкими движениями подгонял мальчик свой обруч, смеялся, радовался, топтал пухлыми ножонками с голыми коленками и

взмахивал палочкой. Даже и не надо бы так высоко поднимать палочку над головой, — да уж где тут!» Во II главе та же картина дается в восприятии старика: «Так, просто вспоминался мальчик, — бежит, смеется, ногами топчет, обруч гонит. А ножки-то пухленькие, а коленки-то голенькие...» В III главе мечты о мальчике принимают характер почти галлюцинаций: «И мерещится старику, — вот он маленький, вот мама у него барыня, и есть у него обруч да палочка, и он играет, — палочкой обруч гонит. Наряд на нем беленький, ножки-то у него пухленькие, коленки голенькие...» Тройное упоминание о ножках и коленках имеет, как можно предположить, гомоэротический характер, что подтверждается мифологическими параллелями: старик с «козлиной» бородой, вскидывающий ногами, играющий на поляне, напоминает греческого сатира. Особое значение имеет топография эпизода. Д. Михалевский писал, что «для сатирических представлений наиболее подходящей считалась декорация, изображавшая поляну или несколько деревенских домиков, выглядывавших из-за деревьев и скал» [6, с. 74].

В той же V главе сходство с мальчиком подчеркнуто системой сравнений и текстовыми совпадениями: «Старик засмеялся, засиял, побежал за обручем, как тот мальчик. Он вскидывал ногами, и палочкой подгонял обруч, и так же высоко над головой, как тот мальчик, подымал руку с палочкой». В VII главе тот же эпизод представлен как воспоминание, реализованное в обряде катания обруча, проходившем якобы в присутствии «милрой мамы»: «И его утешали воспоминания, — и он тоже был ребенком, и смеялся, и бегал по свежей траве под сумрачными деревьями, — и за ним смотрела милая мама».

Смерть старика подтверждает идею деструктивности финала в новелле [8]. При структуралистском подходе к тексту эта смерть предсказуема ввиду того, что старик в системе оппозиции «подвижные» / «неподвижные» персонажи [5] принадлежит к «неподвижным». Пересечение границ для таких персонажей всегда нерезультативно. В новелле герой делает попытку пересечения сразу нескольких границ: социальных, топографических, темпоральных. «И мерещится старику, — вот он маленький, вот мама у него барыня...» Топографические границы пересекаются, когда старик начинает ходить в лес по утрам играть обручем. Подчеркивается, что природная стихия ему чужда, в лесу он никогда не бывал: «Непонятно ему было молчание сумрачных деревьев, покрытых сухой, темной, растрескавшеюся корою. И запахи были странны, и мхи дивили, и папоротник рос, как сказочный. Не было пыли и шума, и нежная, дивная мгла лежала позади деревьев. Старые ноги скользили по настилу хвои, спотыкались о вековые корни».

Нерезультативность пересечения пространственной границы подтверждается тем, что фабрика старика не отпускает, умирает он «в фабричной больнице, среди чужих, равнодушных людей». Наконец, пересечение временных границ оказывается неосуществимой попыткой вернуться в детство: старый что малый. Структурный анализ показывает, что в новелле «Обруч», где представлены три мифологемы: *жизнь — радость, жизнь — страдание, смерть —*

утешение, событие реализуется через систему бинарных оппозиций: *жизнь — страдание / смерть — утешение*. Радость оказывается обманом, торжествует одна смерть.

Список литературы

1. *Бабушкина Т. В.* О новых подходах к изучению слова в школьном учебнике // Родная словесность в школе и вузе: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. С. 7–13.
2. *Бабушкина Т. В.* Размышления над страницами учебно-методического комплекта по курсу «Литературное чтение» З. Н. Новлянской и Г. Н. Кудиной // Детская литература и воспитание: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. С. 69–81.
3. *Дубова М. А.* Роль концепта «Детство» в идейно-художественной оппозиции «Жизнь — смерть» (по прозе Федора Сологуба) [электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/>. Дата обращения: 08.02.2017.
4. *Корпусова Ю. А.* Читательская деятельность современного школьника // Родная словесность в школе и вузе: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. С. 126–130.
5. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста [электронный ресурс]. Режим доступа: http://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf. Дата обращения: 08.02.2017.
6. *Михалевский Д.* Неизвестная античность. Великий миф о великой трагедии. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
7. *Павлова М.* Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.
8. *Семенова Н. В.* Роль неожиданной развязки в новеллах В. В. Набокова // Литературный текст: проблемы и методы исследования: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. С. 89–94.
9. *Семенова Н. В.* Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1981. Т. 1: А–Й. 698 с.
11. Сологуб Ф. Обруч. [электронный ресурс]. URL: http://www.fsologub.ru/lib/short-story/short-story_63.. Дата обращения: 08.02.2017.

Об авторе

СЕМЕНОВА Нина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь; e-mail: ninasemenova@yandex.ru